

Чухлеб Сергей Никитович

МАРКСИЗМ КАК ПОСЛЕДНЯЯ ВЕЛИКАЯ МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Статья посвящена анализу фундаментальных принципов построения философской системы марксизма. Автор обосновывает следующие тезисы. 1. Марксизм выстроен по образцам великих метафизических систем Античности, Средневековья и Нового времени. 2. Марксистская философия содержит в своем основании элементы, которые носят глубоко умозрительный, спекулятивный характер и могут быть рассматриваемы с точки зрения положительного, эмпирически проверяемого, научного знания как метафизические и, следовательно, ненаучные. Например, диалектика как основополагающий метод марксистской философии имеет ярко выраженное метафизическое происхождение.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/12-1/54.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(74): в 3-х ч. Ч. 1. С. 186-193. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 130.2

Философские науки

Статья посвящена анализу фундаментальных принципов построения философской системы марксизма. Автор обосновывает следующие тезисы. 1. Марксизм выстроен по образцам великих метафизических систем Античности, Средневековья и Нового времени. 2. Марксистская философия содержит в своем основании элементы, которые несут глубоко умозрительный, спекулятивный характер и могут быть рассматриваемы с точки зрения положительного, эмпирически проверяемого, научного знания как метафизические и, следовательно, ненаучные. Например, диалектика как основополагающий метод марксистской философии имеет ярко выраженное метафизическое происхождение.

Ключевые слова и фразы: философия; история философии; марксизм; метафизика; диалектика; диалектический материализм; онтология.

Чухлеб Сергей Никитович, к. филос. н., доцент
Российская академия музыки имени Гнесиных, г. Москва
chuhlebsn@mail.ru

МАРКСИЗМ КАК ПОСЛЕДНЯЯ ВЕЛИКАЯ МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

С точки зрения правоверного марксиста уже само название этой статьи содержит грубейшую ошибку: марксизм был, есть и будет величайшим и главным противником метафизики!

Что ж, если реакция будет такова, то моя задача как автора – привлечь внимание читателя, осаждаемого легионами текстов, – выполнена.

Действительно, марксист горячо убежден, что марксизм – это принципиально антиметафизическая система (с остальными эпитетами, думаю, он согласится). Во-первых, он заявит, что метафизика – это учение, отрицающее движение, отрывающее его от материи и в этом отношении противостоящее диалектике, в то время как учение Маркса на диалектике покоится.

Во-вторых, марксист двинется глубже и заявит, что метафизика противостоит частным наукам и стремится косо довлеть над ними, в то время как диалектический материализм творчески пронизывает частные науки, порождая диалектический синтез частно-научного и философского знания: «В обоих случаях современный материализм является по существу диалектическим и не нуждается больше ни в какой философии, стоящей над прочими науками. Как только перед каждой отдельной наукой ставится требование выяснить свое место во всеобщей связи вещей и знаний о вещах, какая-либо особая наука об этой всеобщей связи становится излишней. И тогда из всей прежней философии самостоятельное существование сохраняет еще учение о мышлении и его законах – формальная логика и диалектика. Все остальное входит в положительную науку о природе и истории» [12, с. 24-25].

Все это возможно, но для современного научного ума неочевидно. И я все же буду настаивать на своем.

Для начала стоит разобраться с понятием «метафизика». В современных словарях мы обнаруживаем следующие определения.

«Метафизика (metaphysics, греч. – «то, что после физики» соответственно порядку соч. Аристотеля) – область философии, исследующая наиболее общие категории и понятия, имплицитно содержащиеся в описаниях человеческого сознания и внешнего мира. Примерами могут причинность, субстанция, онтология, время и реальность» [18, с. 154].

«Метафизика – философское учение об общих, отвлеченных от конкретного существования вещей и людей, принципах, формах и качествах бытия. В марксизме метафизика рассматривалась как противоположность диалектике, т.е. как учение, характеризующее структуры бытия и мышления вне их развития, самодвижения, взаимопереходов» [21, с. 479].

«Метафизика... – понятие философской традиции, последовательно фиксирующее в исторических трансформациях своего содержания: 1) в традиционной и классической философии метафизика – учение о сверхчувственных (трансцендентных) основах и принципах бытия, объективно альтернативное по своим презумпциям натурфилософии как философии природы...; 2) в неклассической философии метафизика – критикуемый спекулятивно-философский метод, оцениваемый в качестве альтернативного непосредственному эмпиризму (в позитивизме), специфически понятой диалектике (в марксизме)...; 3) в постнеклассической интерпретации метафизика – это классическая философия как таковая (прежде всего в идеалистической своей артикуляции), т.е. философия, характеризующаяся такими фундаментальными презумпциями, как: а) презумпция наличия объективирующегося в логосе единства бытия и б) презумпция единства бытия и мышления...» [2, с. 630-631].

Таким образом, термин «метафизика» используется в современной научной литературе в трех значениях (перечисляем в порядке возникновения, генезиса).

1) «Наука» о сверхчувственных, высших основаниях сущего (любые идеалистические концепции), постигаемых умозрительно. В этом значении метафизика противостоит научному, эмпирически обоснованному знанию.

2) Дисциплина, изучающая первоосновы, первоначала. Тожественна онтологии (наука о бытие, сущем). В этом значении термина «метафизика» можно говорить о материализме как виде метафизики. И диалектический материализм Маркса также оказывается разновидностью метафизики.

3) Система идей, противостоящая диалектике как учению о всеобщей связи и развитии (специфически марксистское понимание метафизики).

В самом деле, сначала идеалистические изыскания Платона и Аристотеля, поддержанные впоследствии христианскими и мусульманскими теологами, получили название «метафизика». Уже в Новое время этот термин стали использовать в качестве обозначения любой онтологической теории вне зависимости от ее идеалистического или материалистического характера. Именно в этом значении термин «метафизика» употребляет И. Кант, громкогласно заявляя в своих «Пролегоменах ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в качестве науки» о проблематичности любой метафизической системы [8, с. 5-16, 103-165]. Подобное положение вещей сохраняется и поныне: выше мы уже цитировали статью о метафизике, содержащуюся в оксфордском словаре. А вот цитата из обширного трактата по метафизике двух известных российских философов: «Метафизика – это предельный вид философского знания, связанный с наиболее абстрактной и глубокой формой рефлексии (размышления) человека над проблемами личного и мирового бытия» [7, с. 40].

И, наконец, к первым двум значениям этого термина добавляется гегеле-марксистское значение. Здесь стоит остановиться и рассмотреть ситуацию более основательно.

Приступая к изучению гегелевской или марксистской философии, следует быть очень осторожным в отношении понятий, которыми эти философские направления пользуются. Они часто используют понятия совсем в ином смысле, чем это делает мировая философия. Традицию эту заложил Гегель. Маркс же как поклонник Гегеля ее воспринял.

В некотором роде Гегель – гениальный маргинал мировой философии. Полагая, что он – единственный, кто понял подлинную логику мироздания и, в частности, истории философии, Гегель, так же, как впоследствии и М. Хайдеггер, переформулирует все содержание предшествующей философии. Итог этой переформулировки – достаточно сильное отклонение от традиционной системы понятий. Эта тенденция еще более усилилась в марксизме. Марксисты воспринимают свою философию как нечто исключительное, все же остальные философские школы – как заблуждения различной степени глубины и зловредности. А поскольку за каждой философской школой они склонны видеть потребности эксплуататорских классов, заинтересованных в идеологическом манипулировании народными массами, постольку отрыв марксизма от остальной философии еще более увеличивается. В силу этого обстоятельства многие понятия в марксизме приобретают совершенно иное значение, чем то, которое они имели раньше. Вот несколько образчиков этого «сектантского» использования понятий.

Так, традиционно термин «метафизика» обозначает сверхчувственное знание. Но в марксизме «метафизика» – это концепция, отрицающая движение, концепция, противостоящая диалектике. Диалектика – это не искусство изошренного мышления и полемики (значение, сформированное Античностью и все еще значимое во времена И. Канта), но учение о всеобщей связи и развитии.

Субъективный идеализм и скептицизм (достаточно различные концепции) марксисты почему-то называют агностицизмом.

Термин «агностицизм» введен в середине девятнадцатого века английским естествоиспытателем Т. Гексли для обозначения позиции ученого, который принимает в расчет лишь данные опыта. Все, что эмпирически не фиксируется, рассматривается в этом случае как неведомое, относительно которого невозможно сделать ни положительных, ни отрицательных суждений. Прежде всего, это касается фигуры Бога. Термин прижился и получил широкое распространение на Западе [18, с. 3].

Российский человек, воспитанный в марксистской традиции (а в России философию преподают все еще по-марксистски, правда, не афишируя это), рискует попасть в очень глупое положение, столкнувшись с западными интеллектуалами, которые поголовно называют себя агностиками. Он будет чрезвычайно изумлен тем обстоятельством, что на Западе так много интеллектуалов-скептиков, сомневающих в возможности познания мира. Но хитрость здесь в том, что эти интеллектуалы при помощи термина «агностицизм» выражают свою позицию лишь по отношению к религии. То есть они говорят, что про Бога им ничего неизвестно, и, в силу этого, они строят свое отношение к миру и свое поведение без учета этой фигуры. Таким образом, западный агностицизм по своему значению близок советскому атеизму. Но эта позиция более умеренна, чем атеизм, предполагающий принципиальное отрицание Бога.

Полагаем, что хороший специалист должен оперировать общепринятой терминологией или хотя бы о ней знать. Если он использует «местечковые» понятия и при этом воображает, что он соответствует требованиям, предъявляемым современным уровнем знания, то такой профессионал профессионалом в полном смысле этого слова не является.

Весьма специфична (с точки зрения современной философской и научной традиции) и сама структура марксизма. Говоря о ней на лекциях по истории философии, мне приходится пространно пояснять: 1. Диалектический материализм – это то, что сегодня обозначили бы как смесь онтологии и эпистемологии. 2. Материалистическое понимание истории – это то, что ныне определили бы как смесь философии истории (социальная философия), социологии и социологии истории; марксистская политэкономия – это специфическая смесь экономической, исторической и социологической наук, густо приправленная политической идеологией; научный социализм же – смесь политической философии и политической доктрины, странным образом претендующая на строго-научное обоснование.

Уже одно это положение вещей в марксизме указывает на его глубокое родство со старой метафизикой. Подобный синкретизм, структурная нерасчленённость характерна для философских систем Нового времени, но не свойственна современным концепциям. Для иллюстрации приведем два примера.

В метафизике Р. Декарта мы обнаруживаем нерасчлененность онтологии и гносеологии. Буквально на одной странице его гносеологические тезисы вдруг разворачиваются в фундаментальные суждения о структуре мироздания [5, с. 269; 6, с. 29-34; 22, с. 324-333]. То же мы обнаруживаем и у Беркли. Его гносеология вдруг перерастает в онтологию [17, с. 90-139]. И нечто подобное мы обнаруживаем в марксизме.

Так называемый «основной вопрос философии» на проверку оказывается не одним вопросом, а двумя. Объясняется это тем, что Маркс собирается решить вопрос о методе (эпистемология) обращением к материализму (онтология). То есть онтология оказывается слитой с эпистемологией. Если же мы еще вспомним и диалектику, то синкретизм возрастет многократно, так что перед нами возникнет нечто, вполне достойное фантастических ужасиков про инопланетян: диалектика оказывается одновременно и онтологией, и гносеологией, и логикой.

Подобные левиафаны весьма характерны для старой философии, но они плохо вписываются в упорядоченность современной науки.

Конечно, марксисты легко все объяснят и выскажут упрек в метафизичности мышления. Но я отлично помню, что на протяжении тысячелетий под диалектикой подразумевали софистические ухищрения. А софистикой меня не обморочишь, и софистику не выдашь за серьезные основания и аргументы.

Итак, идея, что марксизм – это последняя великая метафизическая система, является нонсенсом лишь при использовании третьего значения термина «метафизика» – гегеле-марксовского. Если же взять первые два значения этого понятия, то такая идея может рассматриваться как вполне продуктивная гипотеза. Что ж, постараемся ее обосновать.

Говоря о марксизме как последней великой метафизической системе, мы собираемся защитить два тезиса:

1. Марксизм выстроен (но не достроен) по образцам великих метафизических систем Античности, Средневековья и Нового времени.

2. Марксистская философия содержит в своем основании элементы, которые носят глубоко умозрительный, спекулятивный характер и могут быть рассматриваемы с точки зрения положительного, эмпирически проверяемого, научного знания как метафизические и, следовательно, ненаучные.

Эти тезисы резко контрастируют с тем, что сами марксисты думают о своей теории. Но в свое время К. Маркс гениально заметил, что неразумно судить об обществе по тому, что общество думает о самом себе. Это справедливо и по отношению к марксистам: не стоит судить о них на основе того, что они сами думают о себе.

Уже основоположники марксизма достаточно резко противопоставляли свои взгляды предшествующей философской традиции, вершиной которой они считали философию Г. В. Ф. Гегеля.

«Гегелевская система была последней, самой законченной формой философии, поскольку философия мыслится как особая наука, стоящая над всеми другими науками. Вместе с ней потерпела крушение вся философия. Остались только диалектический способ мышления и понимание всего природного, исторического и интеллектуального мира как мира бесконечно движущегося, изменяющегося, находящегося в постоянном процессе возникновения и исчезновения. Теперь не только перед философией, но и перед всеми науками было поставлено требование открыть законы движения этого вечного процесса преобразования в каждой отдельной области. И в этом заключалось наследие, оставленное гегелевской философией своим преемникам» [12, с. 23].

«Гегелевская система как таковая была колоссальным недоноском, но зато и последним в своем роде» [Там же, с. 24].

«Насколько эта диалектика есть безусловно последнее слово всей философии, настолько же крайне важно, с другой стороны, освободить ее от мистической оболочки, которую она имеет у Гегеля» [15, с. 457].

Безусловно, сами классики марксизма не делали открытых заявлений о том, что их система является окончательной философией, истиной в последней инстанции. Фиаско гегелевской системы с ее претензией на обнаружение окончательной истины было все еще свежо, не говоря о том, что и сами К. Маркс и Ф. Энгельс основательно приложили руку к этому философскому банкротству Гегеля. Но, тем не менее, в их текстах легко заметна уверенность, что окончательные философские принципы обнаружены и теперь перед человечеством открывается бесконечная даль для их претворения в познании и в практике. «Но это понимание наносит философии смертельный удар в области истории точно так же, как диалектическое понимание природы делает ненужной и невозможной всякую натурфилософию. Теперь задача в той и в другой области заключается не в том, чтобы придумывать связи из головы, а в том, чтобы открывать их в самих фактах» [13, с. 316].

«Философия Маркса есть законченный философский материализм, который дал человечеству великие орудия познания, а рабочему классу – в особенности» [10, с. 44].

Я не решусь строго осуждать основоположников марксизма за подобный преждевременный триумф. Во-первых, сама суть философской деятельности провоцирует мыслителя на подобные претензии. Открывая своей философией новое интеллектуальное пространство, философ не в состоянии разглядеть и четко очертить границы этого нового мира. Во-вторых, во времени Маркса и Энгельса публичные заявления из уст философов о том, что его система является окончательной истиной, стали своего рода пагубной традицией. Все великие философы Нового времени обозначили свое место в истории философии подобными заявлениями.

Приходится лишь изумляться той осторожностью, которую явили Маркс и Энгельс в этом вопросе. Эта осторожность является первым признаком новых времен в философском дискурсе. Да, были и такие «последние» философы как Гуссерль или Хайдеггер. Но в целом мода на окончательные философские системы

безвозвратно миновала. Современный философ, умудренный пагубным самомнением предшественников и скептицизмом постмодернизма, скорее будет претендовать на некую относительную, временную формулировку решения философских проблем, с необходимостью допуская дальнейший прогресс (или просто движение, изменение) знания в этих вопросах. Эпоха великих метафизических систем прошла! И наличие этой, пусть и не самой существенной, метафизической черты в философии марксизма весьма характерно.

В этом отношении последователи Маркса и Энгельса, марксисты, оказались куда большими метафизиками, чем были их учителя. Марксисты довели различия между марксизмом и немарксизмом до состояния бездонной пропасти. Вся предшествующая философия оказалась одним большим движением к марксизму, а вся немарксистская философия – грандиозным заблуждением неразумных и заговором нечестных.

Рассматривая первый тезис (марксизм как последняя метафизическая система¹), необходимо обратиться к обстоятельствам эволюции философии.

Философия возникла около двух с половиной тысяч лет тому назад, в VII-VI веках до нашей эры, в Древней Греции. Здесь она существовала как всеобъемлющее знание, включающее в себя все науки. По сути, быть философом значило быть ученым, а быть ученым означало быть философом. Лишь история, механика и отчасти медицина стояли особняком (последние две относятся, по классификации Аристотеля, к «наукам продуктивным»). Таким образом, философия являлась всеобъемлющей **классической системой знания** о мире и человеке. Дисциплины, которые сегодня существуют в виде самостоятельных частных наук, в то время являлись разделами философии. Наилучший пример тому – система Аристотеля. У Аристотеля физика, биология, психология, математика, астрономия, метеорология, политология, социология и другие дисциплины оказываются разделами философии.

Это положение вещей сохранилось и в Средние века, и в Новое время. Еще в конце XVII века Ньютон дает своему трактату, в котором он излагает основы механики, название «Математические начала натуральной философии». Это указывает на то, что первый истинный физик мыслил себя все еще ученым, занимающимся одним из разделов философии – натуральной философией, или философией природы.

Положение вещей начинает меняться в Новое время. В XVI-XVII вв. в Европе происходит так называемая «научная революция Нового времени» [19, с. 43-161]. Эта революция порождает новый тип науки. Это наука современного образца. Она базируется на эксперименте и чрезвычайно развитых формальных методах, первым и наиважнейшим из которых является математика. Сочетание экспериментального метода и математики дало основу для строгого, эмпирического доказательства научных суждений. В результате на этой основе происходит расцвет частных научных дисциплин. Богатство содержания, изощренность методов и выделение предмета этих частных наук порождают необходимость их дисциплинарного обособления от философии. Этот процесс свершается не сразу. Он занимает пару столетий. Но в итоге в XIX веке возникает **современная система знания**. Она представляет собой многоуровневую пирамиду частных наук, обладающих собственным предметом и собственной методологией и совершенно независимых от философии. В этой системе философия превращается из «царицы наук», включающей в себя все остальные науки, в одну из научных дисциплин. Более того, философия оказывается в положении короля Лира, который роздал все свои владения и остался нищим и бездомным. Вследствие этого современная философия претерпевает постоянные нападки со стороны представителей частных научных дисциплин. Суть этих нападок – обвинение философии в иллюзорном умозрении, пустопорожней болтовне и затемнении очевидных вещей. Атакующие часто предлагают просто упразднить философию и изгнать из частных наук какие-либо философские положения.

Такие нападки являются, безусловно, крайностью. Не раз было замечено, что философские положения составляют неотъемлемую часть любой фундаментальной научной теории. Люди, которые пытаются ликвидировать философию, в итоге оказываются в крайне нелепом положении: упразднив философию, они невольно продолжают философствовать и делают это крайне плохо, поскольку не признаются ни себе, ни другим в том, что они этим занимаются. Вместо философии, имеющей ряд недостатков, они получают философию значительно худшего толка. Профессионально отрефлексированная философия неизмеримо лучше философии «бессознательной».

Классическая система знаний основывалась на следующих положениях. Во-первых, существуют определенные абстрактные философские принципы, которые проводятся от начала и до конца всей совокупности знаний, что и образует в итоге всеохватывающую систему. Во-вторых, все научные теории являются конкретизацией общих философских принципов, так что *каждый объект, обладающий качественной спецификой, требует особого раздела философии*: природа – философии природы; общество – философии истории, философии права, социальной философии; искусство – философии искусства; мораль – этики; религия – философии религии и т.д. Современная наука исходит из иного принципа: *каждый объект, обладающий качественной спецификой, требует отдельной, частнонаучной дисциплины*. Соответственно, оказавшись в новой ситуации, философия вынуждена пересматривать свои притязания, свои методы и свои положения.

Фактически, так называемая научная революция Нового времени означала не только рождение науки в современном смысле этого слова, но и постепенное разрушение *старой, классической системы знания, именуемой «философия»*. В этом отношении современная философия и, например, философия времён Декарта и Лейбница – две абсолютно разные системы знания. Свершилась подлинная революция. Произошло

¹ Философия Хайдеггера также может претендовать на статус последней метафизической системы. Но в этой претензии ей следует, по-видимому, отказать, поскольку она достаточно сильно дистанцируется от науки. Всё же, классические метафизические системы позиционировали себя в качестве научных.

не просто вычленение отдельных частных дисциплин и науки в целом из прежней, классической системы философии, но и революционное преобразование самой философии. Из старой, классической системы знания она превратилась в одну из научных дисциплин.

Лишившись прежнего предмета знания (его растащили частные научные дисциплины), философия в течение двух последних столетий отчаянно пытается определить свой собственный предмет так, чтобы он не пересекался с предметами других дисциплин. Это тем более необходимо, что философское знание сегодня явно проигрывает в строгости и точности знанию частных наук.

Этот процесс зашел так далеко, что философия постепенно теряет монополию и на такую исконно философскую дисциплину как онтология. Сегодня онтология в стиле Аристотеля или Гегеля совершенно потеряла всякий смысл. Сегодня онтологией занимаются скорее фундаментальные физики и космологи. Философы же могут приобщиться к ней, лишь освоив эти специальности. Но и в этом случае вопрос об их научном статусе: философ или физик и космолог? – остается совершенно открытым. Пожалуй, лишь теория познания (гносеология и отчасти эпистемология) ныне все еще остается чисто философской дисциплиной. Именно это обстоятельство провоцирует современных неопозитивистов свести предмет философии к эпистемологии.

Из этого краткого исторического обзора видно, что понимание объема и места философии в общей системе научного знания претерпело радикальные изменения в процессе эволюции культуры. А одна из особенностей социальной эволюции такова, что масштабные изменения плохо отслеживаются людьми и не укладываются в их головах. Лишь «задним числом», после завершения эволюционной перестройки у специалистов-ученых появляется возможность осмыслить и описать свершившиеся изменения.

Предварительное завершение вышеописанной эволюционной перестройки философии приходится на XIX столетие, то есть на время жизни и творчества Гегеля, Маркса и Энгельса. Отсюда и столь странные сочетания старого и нового в их системах – эволюция проходила сквозь них, через них.

Проблема в том, что Маркс сформировался как мыслитель на стыке двух гносеологических эпох. Маркс, строя свою систему, ориентировался на лучшие образцы современной ему науки – философию Гегеля. Действительно, на тот момент система Гегеля представляла собой лучший, рафинированный образец рационального философского мышления, а гегелевская философия претендовала на наиболее полное выражение науки как таковой. Неслучайно современник Маркса – С. Кьеркегор – воспринимал философию Гегеля как олицетворение науки. Но гегельянство – это последняя яркая вспышка старой, классической системы знания. И это было отнюдь не случайно. Германские университеты славились своим консерватизмом. По прошествии десяти-двадцати лет всеевропейской славы система Гегеля была надолго забыта. И это тоже неслучайно. Поскольку именно в этот момент процесс формирования современной науки, новой системы знаний, вошел в решающий этап. В некотором роде можно говорить о «второй научной революции». Если первая революция – научная революция XVI-XVII вв. – создала парадигму современного научного мышления, то научная революция первой половины XIX века окончательно оформила новую, современную систему знания. Эта революция мгновенно похоронила классическую систему знания и её лучший образец – систему Гегеля. В тот момент, когда Маркс сформировался как мыслитель и практик, эта революция как раз и свершалась. Безусловно, Маркс был её участником – его социологические и экономические теории уже 150 лет остаются значимыми. Но участником неосозанным. По большому счёту, наступление новой гносеологической эпохи не было осознано им. Она отразилась во многих его идеях, но осмыслял он свою теоретическую деятельность по образцам, усвоенным в университетской юности, то есть по образцам классической системы знаний и, в частности, по образцу системы Гегеля.

Маркс мыслил в гегелевском, классическом ключе. Поменяв исходные философские принципы (знаменитая перестановка философии «с головы на ноги»), он полагал, что их необходимо провести так же последовательно, как это было сделано у Гегеля. Но, к счастью, у него не хватило времени и хватило научной интуиции, чтобы не реализовывать этот подход в масштабе всего научного знания. Он ограничился областью социальных наук. В классическом марксизме мы имеем диалектический материализм – онтология и гносеология, и исторический материализм – социальная философия. Таким образом, «основоположники» воспринимали свою социальную теорию как часть философии.

Политическая экономия марксизма непосредственно примыкает к философии. Хорошо известно, что в основе «Капитала» К. Маркса лежат принципы диалектики. На это неоднократно указывал и сам Маркс, и Энгельс, и другие теоретики марксизма. Вот что пишет Маркс в одном из своих писем о работе над «Капиталом»: «...Я опрокинул все учение о прибыли в его прежнем виде. Для *метода* обработки материала большую услугу оказало мне то, что я по чистой случайности вновь перелистал “Логику” Гегеля...» [15, с. 212] (см. также: [1; 14; 16]).

Но, как было указано выше, такой подход характерен для парадигмы классической системы знаний и, прежде всего, для так называемой эпохи великих систем Нового времени. Современные науки сознательно избегают ситуации, когда научная теория непосредственно покоится на фундаменте умозрительных философских принципов. Наличие такого фундамента стало бы первым основанием для критиков в отказе теории в статусе научности.

Традиционно марксисты считают, что философия Гегеля завершает эпоху великих систем, марксизм же открывает новый этап развития научного познания. Но, по большому счёту, марксизм – это последняя великая система. Он претендует не только на универсальную приложимость истинных принципов его философии к любой области знания, но и на необходимость проведения их в жизнь. Именно этот подход мы и наблюдаем в большинстве метафизических систем. В последние два столетия господствует иная парадигма научного знания.

Эта метафизическая система была не достроена Марксом, но она активно достраивалась его последователями. В СССР предполагалось, что марксистская философия значима для любой науки. Напомним, что каждая научная работа в любой частной науке должна была начинаться с главы или параграфа «классики марксизма-ленинизма о...». В итоге этот пагубный подход стал причиной лютой ненависти многих отечественных ученых к каким-либо проявлениям философии вообще.

Теперь обратимся к обоснованию второго тезиса: марксистская философия содержит в своем основании элементы, которые носят глубоко умозрительный, спекулятивный характер и могут быть рассматриваемы с точки зрения положительного, эмпирически проверяемого, научного знания как метафизические и, следовательно, ненаучные.

Метафизичность философии марксизма проявляется и в использовании умозрительных, спекулятивных теорий, противостоящих эмпирически и рационально обоснованному научному знанию. Речь идет, прежде всего, о диалектике (здесь мы сосредоточимся только на этом вопросе, поскольку рамки статьи не позволяют рассмотреть и другие элементы [23]).

Диалектика – сердцевина марксистской философии. Маркс и Энгельс полагали, что вся их философская оригинальность и состоит в соединении материализма и гегелевской диалектики.

Как философ Маркс начинал свое развитие с приверженности гегельянству, но работы Л. Фейербаха и революционный дух обратили его в материалистическую веру. При этом Маркс не отказался совершенно от гегельянства, сохранив в своем учении гегелевскую диалектику. Маркс полагал, что недостаток предшествующего материализма состоял в том, что материя рассматривалась отдельно от движения, энергии. В результате сама собой возникала потребность в Боге как источнике движения. Маркс полагает, что способ существования материи – это движение. А движение лучше всего и точнее всего описывается гегелевской диалектикой. Гегель интуитивно постиг законы движения мира и выразил их в законах и принципах диалектики. Но пагубная приверженность идеализму отвратила его от истины. Поэтому следует отбросить гегелевский идеализм и спасти гегелевскую диалектику.

По словам Маркса и Энгельса, гегелевская диалектика, стреноженная идеализмом, стояла на голове. Ее следует перевернуть и поставить на ноги, то есть на материалистическую основу. Диалектику необходимо использовать как наилучшее описание законов движения именно материального мира.

«Гегелевскую диалектику, как самое всестороннее, богатое содержанием и глубокое учение о развитии, Маркс и Энгельс считали величайшим приобретением классической немецкой философии. Всякую иную формулировку принципа развития, эволюции они считали односторонней, бедной содержанием, уродующей и калечащей действительный ход развития (нередко со скачками, катастрофами, революциями) в природе и обществе» [11, с. 53-54]. Энгельс о диалектике пишет так: «Для диалектической философии нет ничего раз и навсегда установленного, безусловного, святого. На всем и во всем видит она печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед нею, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему. Она сама является лишь простым отражением этого процесса в мыслящем мозгу» [13, с. 276].

Маркс и Энгельс почти полностью воспроизводят в своей философии диалектику Гегеля и, прежде всего, законы этой диалектики: «...В природе сквозь хаос бесчисленных изменений прокладывают себе путь те же диалектические законы движения, которые и в истории господствуют над кажущейся случайностью событий, – те самые законы, которые, проходя красной нитью и через историю развития человеческого мышления, постепенно доходят до сознания мыслящих людей. Законы эти были впервые развиты всеобъемлющим образом, но в мистифицированной форме, Гегелем» [12, с. 11].

Материализм, укрепленный диалектикой, становится, по мнению Маркса, последовательным и логически завершенным учением. Все, что существует, является либо материей, либо ее проявлением. Пространство и время – это формы существования материи. Общество – это тоже материальная система, развивающаяся по объективным законам. Человеческое сознание – это лишь момент в функционировании общества. Оно всецело зависит от материальных общественных условий. Соответственно, понятие души ненаучно. Сознание – это свойство высокоорганизованной материи.

Основоположники марксизма почему-то были уверены, что диалектика – это вершина научной рациональности. Что ж, для XIX века подобные фантазии вполне простительны. Но сегодня такая уверенность выглядит весьма странно (если, конечно, вы – не правоверный марксист). Достаточно исследовать реальную (а не сочиненную марксистами) историю диалектики, чтобы понять, что она никогда не имела и не может иметь научного, рационального и эмпирического обоснования!

Если не рассматривать Античность и Средние века, где понятие «диалектика» использовалось иначе, то приходится констатировать, что первым в новоевропейской философии специально говорит о ней И. Кант. Но говорит он о ней в старом, античном значении, лишь несколько меняя акценты. Для него диалектика является логикой видимости, игрой иллюзий, порожденной неизбежными, но необоснованными попытками разума преодолеть сферу феноменального.

Именно поэтому чистый разум, увлекающийся метафизическими фантазиями, Кант обозначает как диалектический разум¹. Более того, «диалектика, отмечает Кант, превратилась в логику видимости. Софисты,

¹ С таким же успехом он мог бы назвать его софистическим разумом. Впрочем, для Канта эти понятия почти тождественны.

старые и новые, поднаторели в искусстве камуфлировать собственное невежество или дорогие сердцу иллюзии под истину, искусно имитируя логическую фундаментальность и скрывая отсутствие мысли развесистой топикой» [19, с. 646].

Таким образом, Кант использует термин «диалектика» в значительной степени в негативном смысле. В позитивном же смысле первым идею диалектики разрабатывает И. Г. Фихте. К этому его подталкивает не давление фактов, не очевидность истины, но философская нужда.

По большому счету, Фихте был кантианцем, но кантианцем, мыслящим самостоятельно, способным пойти в направлении, которое вовсе не предполагалось «основоположником». Истории философии знакомы подобные примеры. Самый яркий из них – Аристотель в его отношении к Платону.

Кант при создании своей системы исходил из реальных гносеологических затруднений, порожденных философией Юма, и из потребностей «практического» разума [9, с. 93-95]. Философская же мотивация Фихте носит ярко выраженный моральный характер. Это отмечают все исследователи творчества Фихте [3, с. 387-391; 4, с. 473-481; 20, с. 31-43].

Философия Канта является метауровнем по отношению к процессу познания, иными словами, она есть философия познания. Фихтеанство же – метауровень кантовской философии, иными словами, оно пытается разрешить проблемы, возникающие в этой философии, исходя при этом вовсе не из потребностей познания, а из потребностей «практического» разума, то есть морали.

Таким образом, изначально философия Фихте выступает как спекулятивное мышление, как философия философии. Впрочем, начинает Фихте свои спекуляции с вполне реальной проблемы, хотя и метауровневого характера, – с проблемы «вещи в себе».

Дело в том, что без постулирования «вещи в себе» кантовская система тяготеет к скептицизму или даже к солипсизму. Но с постулированием «вещи в себе» кантовская философия вовсе невозможна, невозможна как последовательная непротиворечивая система.

В самом деле, Кант говорит, что мы обязаны признать существование «вещи в себе», ибо иначе невозможно объяснить, что же аффицирует нашу чувственность [9, с. 101]. Но, если мы признаём существование «вещи в себе», то как кантианцы попадаем в крайне нелепое положение. Если «вещи в себе» воздействуют на нас и аффицируют наши ощущения, то мы однозначно можем говорить о наличии каузальной (причинно-следственной) связи в области трансцендентного, где «вещь в себе» – причина, а ощущения – следствие. Но, согласно Канту, каузальная связь – это априорная форма, то есть характеристика, не относящаяся к трансцендентному. Но это ещё не всё. Если мы признали наличие каузальной связи в мире трансцендентного, то мы неизбежно должны признать и приложимость к этой области таких характеристик как: взаимодействие, множественность, единство, зависимость, необходимость и т.д., – поскольку они с необходимостью предполагаются каузальной связью. Таким образом, постулирование «вещи в себе» образует в кантовской системе брешь, в которую «выдувает» все априорные формы. А после того, как выясняется, что «априорные формы» вовсе не априорны, кантовская философия становится совершенно бессмысленной.

Итак, постулирование в кантовской философии «вещи в себе» есть мина замедленного действия. Вполне естественно, что Фихте отказывается от этого понятия как от пережитка догматической философии. Шаг вполне оправданный, но ужасный по своим последствиям.

Гносеология Канта – это вполне сбалансированная система, пытающаяся решить вполне реальные проблемы познания. В ней присутствуют два «центра активности» – «вещь в себе» и субъект. Их взаимодействие порождает феноменальный мир. С ликвидацией вещи в себе остается лишь один центр активности – субъект. Соответственно, существование феноменального мира неизбежно ставится в зависимость лишь от него. Подобная немислимая нагрузка на эту фигуру тотчас открывает перспективу солипсизма. Единственная возможность избежать этой перспективы – начать движение в сторону абсолютизации субъекта, в сторону Абсолюта, по отношению к которому эмпирический субъект есть лишь акциденция (внешнее, случайное проявление субстанции). Что мы и наблюдаем на примере эволюции философии Фихте и, в ещё большей степени, систем Шеллинга и Гегеля.

Таким образом, в то время как кантовская философия трактовала реальные проблемы познания, система Фихте начинает с чисто спекулятивной ситуации порождения абстрактным субъектом интеллигибельного (умопостигаемого) мира. Соответственно, необходимость описать и объяснить процесс этого порождения изначально приобретает спекулятивный (умозрительный, внеопытный) характер. Всё рассуждение Фихте направляется не логикой реальных фактов, но абстрактной необходимостью анализа логического закона тождества. Все схемы диалектики Фихте и, в частности, принцип триады и принцип диалектического противоречия рождаются из умозрительного взаимодействия Я и не-Я. Абстрактное познающее Я порождает в процессе своей активности столь же абстрактное не-Я, то есть Природу, существующую в качестве феноменальной картинки познающего субъекта. В результате этой нехитрой процедуры у Фихте оказывается уже два элемента – Я и не-Я. Далее он начинает жонглировать этими элементами. Суть этого жонглирования – выведение из противоречивого взаимодействия Я и не-Я всех остальных категорий и суждений.

Фактически, вся диалектика Гегеля есть прямое заимствование диалектики Фихте, с её дальнейшей систематизацией и детальной разработкой. Она не имеет никакого отношения к реальному миру. Так называемый «реальный мир» есть, с точки зрения Гегеля, лишь акциденция или, точнее, инобытие Абсолютной Идеи. Сам Гегель неоднократно подчеркивал ничтожный характер области эмпирического по отношению к его системе, поскольку область эмпирического есть пройденный этап по сравнению с его философией, в лице которой

Абсолют совершает свои последние шаги на пути самопостижения. Кстати, даже саму идею конечной цели саморазвития Абсолюта – самопостижение и достижение тождества с самой собой – Гегель позаимствовал у Фихте: «Природа, по Фихте, существует не сама по себе, а ради чего-то другого: чтобы осуществлять себя, деятельность Я нуждается в некотором препятствии, преодолевая которое, она разворачивает все свои определения и, наконец, полностью осознает себя, достигая тем самым тождества с самой собой» [3, с. 388].

Подчеркнем ещё раз: начиная с Фихте и заканчивая Гегелем, диалектика родилась и использовалась как способ решения умозрительных проблем спекулятивной философии. В отношении к реальному миру она использовалась лишь как тотальная проекция спекулятивной философии на этот мир.

Маркс и Энгельс некритически заимствовали эту диалектику и сделали ее основным элементом своей философии. Насколько это «приобретение» было сомнительным, указывает то обстоятельство, что современная наука не просто вполне хорошо обходится без диалектического метода, но даже и не вспоминает о нем. Лишь марксисты и политизированные гуманитарии время от времени поминают это метафизическое чудовище. На чаще всего диалектика у них – это просто риторическая форма.

Причина забвения диалектики заключается вовсе не в тотальном буржуазном заговоре научного сообщества, а в том, что проблематично использовать в рамках позитивной науки метод, рожденный потребностями спекулятивной философии.

Список литературы

1. Вазюлин В. Логика «Капитала» Карла Маркса. М.: Современный гуманитарный университет, 2002. 392 с.
2. **Всемирная энциклопедия: Философия** / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. М.: АСТ; Мн.: Харвест; Современный литератор, 2001. 1312 с.
3. **Гайденок П.** История новоевропейской философии в её связи с наукой. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. 456 с.
4. Гегель Г. Сочинения: в 14-ти т. М. – Л.: Соцэкгиз, 1935. Т. 11. Лекции по истории философии. Книга третья. 527 с.
5. Декарт Р. Сочинения: в 2-х т. / пер. с лат. и фр. М.: Мысль, 1989. Т. 1. 654 с.
6. Декарт Р. Сочинения: в-х 2 т. / пер. с лат. и фр. М.: Мысль, 1994. Т. 2. 640 с.
7. **Иванов А. В., Миронов В. В.** Университетские лекции по метафизике. М.: Современные тетради, 2004. 647 с.
8. **Кант И.** Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в качестве науки. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. 247 с.
9. **Кант И.** Сочинения: в 6-ти т. М.: Мысль, 1964. Т. 3. 799 с.
10. **Ленин В. И.** Полное собрание сочинений: в 55-ти т. М.: Издательство политической литературы, 1973. Т. 23. 594 с.
11. **Ленин В. И.** Полное собрание сочинений: в 55-ти т. М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 26. 590 с.
12. **Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения: в 50-ти т. Изд-е 2-е. М.: Издательство политической литературы, 1961. Т. 20. 821 с.
13. **Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения: в 50-ти т. Изд-е 2-е. М.: Издательство политической литературы, 1961. Т. 21. 745 с.
14. **Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения: в 50-ти т. М.: Издательство политической литературы, 1960. Т. 23. 907 с.
15. **Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения: в 50-ти т. Изд-е 2-е. М.: Издательство политической литературы, 1962. Т. 29. 729 с.
16. **Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения: в 50-ти т. Изд-е 2-е. М.: Издательство политической литературы, 1964. Т. 32. 804 с.
17. **Нарский И.** Западно-европейская философия XVIII века: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1973. 302 с.
18. **Оксфордская иллюстрированная энциклопедия:** в 9-ти т. / пер. с англ. М.: ИНФРА-М; Весь Мир, 2000. Т. 7. Народы и культуры. 416 с.
19. **Реале Дж., Антисери Д.** Западная философия от истоков до наших дней: в 4-х т. СПб.: Петрополис, 1996. Т. 3. Новое время. 736 с.
20. **Реале Дж., Антисери Д.** Западная философия от истоков до наших дней: в 4-х т. СПб.: Пневма, 2005. Т. 4. От романтизма до наших дней. 880 с.
21. **Современный философский словарь** / под общ. ред. В. Е. Кемерова. 2-е изд-е, испр. и доп. М.: ПАНПРИНТ, 1998. 1064 с.
22. **Фишер К.** История Новой философии. Декарт: его жизнь, сочинения и учение. СПб.: Мифрил, 1994. 560 с.
23. **Чухлеб С. Н., Краснянский Д. Е.** Комментарии к материалистическому пониманию истории. М.: ПРОБЕЛ-2000, 2009. 364 с.

MARXISM AS THE LAST GREAT METAPHYSICAL SYSTEM

Chukhleb Sergei Nikitovich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Gnessin Russian Academy of Music in Moscow
chuhlebsn@mail.ru

The article is devoted to the analysis of the fundamental principles of the construction of the Marxism philosophical system. The author substantiates the following theses. 1. Marxism is built according to the samples of the great metaphysical systems of the Antiquity, Middle Ages and Modern History. 2. Marxist philosophy has elements, which are deeply theoretical, speculative in nature and may be considered in terms of positive, empirically verifiable, scientific knowledge as metaphysical and therefore unscientific ones, in its basis. For example, dialectics as the basic method of Marxist philosophy has a pronounced metaphysical origin.

Key words and phrases: philosophy; history of philosophy; Marxism; metaphysics; dialectics; dialectic materialism; ontology.